

Она не может быть квалифицирована в качестве таможенного иммунитета.

В рамках тезисов мы ограничимся указанием основных этапов политики правительства по отношению к таможенному иммунитету монастырей и других духовных корпораций. В первой трети XVI в. наиболее частым было освобождение монастырских торговых экспедиций от проездной пошлины — мыта. При Василии III право покупать и продавать определенное количество товаров без уплаты тамги получили в виде исключения Иосифо-Волоколамский и Спасский Ярославский монастыри. Василий III выдал жалованную грамоту Троице-Сергиеву монастырю на торговые поездки на Двину. Эта грамота не сохранилась, но упоминается в грамоте Ивана IV 1581/82 г.

Значительно расширился таможенный иммунитет монастырей и митрополичьего дома в период боярского правления, особенно в 1546—1548 гг. (щедрое жалованье грамоты монастырям Кирилло-Белозерскому, Соловецкому, Троицкому Белопесоцкому, Троице-Сергиеву и др.).

Ограничение таможенного иммунитета монастырей началось в 1549 г. Первоначально эта политика затронула некоторые мелкие монастыри. Затем в 1551 г. право монастырей торговать без уплаты тамги и провозить продажные товары без уплаты мыта было отменено в общем порядке. Беспшлинно разрешалось приобретать и провозить товары лишь «на монастырской обиход, а не на продажу». Жалованные тарханно-проезжие грамоты, не подписанные в мае 1551 г. на царское имя, считались в 50-х гг. XVI в. утратившими силу. В 1555—1556 гг. был нанесен новый удар по привилегированной торговле крупных монастырей — Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Троице-Сергиева, Рязанского Солотчинского. Право беспшлинной торговли в ряде случаев заменялось земельными дачами.

С середины 60-х до начала 80-х гг. XVI в. таможенные привилегии монастырей восстанавливались и иногда расширялись. В 1564 г., накануне опричнины, митрополичий дом получил освобождение от таможенных пошлин для большого количества провозимого «запаса». Кирилло-Белозерскому монастырю разрешалось беспшлинно торговать в различных городах «нашей опричнины». В 1578 г. судам Спасо-Евфимьева и Троице-Сергиева монастырей было позволено беспшлинно ходить по Волге с разным товаром от Нижнего Новгорода до Астрахани и обратно.

Характерная для 50-х гг. XVI в. попытка свести к минимуму привилегированную монастырскую торговлю в интересах посадских людей и купечества не увенчалась успехом, поскольку духовные вотчинники оказались экономически более сильными и устойчивыми, чем нарождавшееся «третье сословие». Россия XVI в. находилась еще на «монастырской» стадии развития, типичной для раннего средневековья.

МОСКОВСКОЕ КУПЕЧЕСТВО И ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ КОНЦА XV — НАЧАЛА XVI в.*

Купечество сыграло заметную роль в организации и функционировании таможенной службы средневековой России, что наиболее полно отражено в исследовании Б. Н. Флори (1990), обстоятельно охарактеризовавшего участие посадского населения в сборе торговых пошлин в конце XV—начале XVII в.

Самые ранние письменные свидетельства о привлечении московских купцов к таможенному делу относятся к эпохе Ивана III. В «Хожении за три моря» Афанасий Никитин называет одного из таких сборщиков пошлин — пошлинника Ивана Сараева, сидевшего в 1468 г. (этим годом датируется по новейшим данным начало путешествия тверского купца) в Нижнем Новгороде. Как пишет тверитянин, из Костромы вниз по Волге свободно «пропустили меня и на Плесо в Нижний Новгород, к наместнику Михаилу Киселеву и пошлиннику Ивану Сараеву». Последний же происходил из московского рода гостей-сурожан Сараевых. Свидетельство о нем также сохранилось в стейных списках русского посольства, отправленного Иваном III во главе с боярином А. С. Кутузовым в марте 1500 г. в Крым, к каффинскому султану Махмету Шихзоду: «Лета 7102 (1594 г.): Иванова шурина Сараева Григорья Ручки в Кафе не стало, а рухляди было с ним на 370 рублей; и ту рухлядь всю опосле Григорья взяли в Кафе зауморщики». Судя по размерам оборотного торгового капитала, брат жены И. Сараева являлся купцом средней руки. Возможно, на склоне лет московский гость-сурожанин принял постриг в Троице-Сергиевом монастыре, в древнейшем пергаменном синодике которого (1575 г.) имеется поминальная запись «Ионы Сараевъ». Какие-то его родичи упоминаются в двух списках XVI в. «Сказания о Мамаевом побоище» в числе десяти сурожан, якобы взятых московским великим князем Дмитрием Ивановичем в поход против Мамаю в 1380 г.: Михаил Сараев (Вологодско-Пермская летопись), Дементий и Михаил Сараевы (Лондонский список). В остальных вариантах «Сказания о Мамаевом побоище» вместо них фигурируют Дементий и Михаил Саларевы.

* Исследование ведется автором в рамках проекта РГНФ N 00-01-00401a «Средневековое русское купечество (IX—XVI вв.): социальный портрет».

Примечательно, что наиболее вероятный, по мнению Б. М. Клосса, автор «Сказания» — коломенский епископ Митрофан был связан с Троице-Сергиевой обителью. Сама же фамилия московской купеческой династии Сараевых явно восточного происхождения.

Между 1462 и 1466 гг. была направлена подтверждающая тарханная грамота: «От великого князя Ивана Васильевича в Галич таможеннику моему Федору Добрынину, или кто по тебе на Галиче таможник будет. Били ми челом троецкой игумен Сергиева монастыря Васьян з братьею, а сказывают, что деи у них грамоту отца моего, великого князя, да и мою жаловальную рушишь, емлещи деи у них тамгу силою через грамоту мою, великого князя, жаловальную, И ты б у них моей грамоты, великого князя, жаловальные не рушил, тамги бы еси на них не имал, ни иных никоторых пошлин. А прочет сю грамоту, отдали им назад, и оне себе ее блюдут впрок иных моих для таможенников». Можно лишь предположить, что великокняжеский таможенник в Галиче Ф. Добрынин также имел прямое отношение к купечеству, как и откупщики пошлин на Белоозере, где в 1497 г. сроком на один год «откупили белозерскую тамгу да пятно коневое Тит Окишов, да Есип Тимофеев, да Семен Бобр». В первой же статье Белозерской таможенной грамоты 1497 г. оговорены условия, на которых они получали право сбора двух налогов: «А откупа им дати сто рублей и дватцать рублей. А имати у них те денги часовнику под[ъ]ячому по сроком: шестьдесят рублей взяти у них на Великое заговейно на мясное, а шестьдесят рублей взяти у них на ц[а]ря Константина и Еленин д[е]нь». Кое-кто из этих таможенных откупщиков (скорее всего, Семен Бобр и Тит Окишев) происходил из купеческой среды.

Их опыт использовался в налаживании таможенной службы и позднее, в начале XVI в. В частности, в 1510 г. вслед за ликвидацией независимости Псковской боярской республики великий князь московский Василий III «прислаша с Москвы гостей тамгу устанавливати нова, зане же во Пскове тамга не бывала, безданно торговали». По имеющимся источникам невозможно установить степень выгодности для московских купцов откупов на сбор таможенных пошлин в конце XV—первой половине XVI в.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИНОЗЕМНЫЕ «ГОСТИ» В МОСКОВСКОМ ЦАРСТВЕ КОНЦА XV — НАЧАЛА XVI в.: ОБЩАЯ ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ, РОД ЗАНЯТИЙ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ

Означенный в заглавии нашей статьи период времени стал решающим моментом в истории Русского государства, т. к. именно тогда завершился «монгольский этап» консолидации Великороссии вокруг Москвы и началось формирование единой независимой православной державы с центром в Первопрестольной. Иоанн III Васильевич, 44-й представитель династии Рюриковичей, вступив в возрасте 24 лет в управление «отчиной» (1462 г.), присоединением Новгорода, Пскова, Рязанских земель, большей части поднепровского Левобережья расширил пределы последней до границ Швеции и Финляндии, до городов Нарвы, Белого, Чернигова на западе и юго-западе, до среднего течения Северского Донца, истоков Суры и Камы — на юге и юго-востоке, до Оби — на востоке и до ненецкого Заполярья — на севере. А поскольку в последующие 60 лет рубежи эти оставались почти неизменны, есть все основания говорить о новых условиях развития отечественных торговли, купечества и связанного с ними таможенного дела как способа приспособления к национальным интересам международных товарно-денежных потоков.

Укрепление и расширение Руси способствовали росту интереса к ней во всем мире, за чем следовало желание самому посетить тот край, о котором, к примеру, те же европейцы еще долгое время будут знать меньше, чем о Новой Голландии (именно так стала называться тайно открытая нидерландскими кальвинистами в XVII в. современная Австралия)¹. Поэтому заметно активизировались визиты сюда гостей как с Запада, так и Востока, с территорий не только приграничных, но и отдаленных. Увеличивается площадь старых и появляются новые «иноземные» жилые кварталы прежде всего в самой Москве (Басманка, Китай-город, Кукуй), а также в Новгороде (Прусский конец), Пскове (Немецкая слобода)², порубежных Гомеле, Путивле, Ельце, Кадове. Едут дипломаты, ученые, миссионеры, врачи, горные инженеры (рудознаты-розмыслы), архитекторы, купцы, однако численно преобладает пока именно торгующий элемент, причем настолько, что слова «гость» (в смысле — «приезжий») и «купец» становятся в данном контексте почти синонимами.